

RU

Вещь, форма, компактность: онтология Т. Гарсиа и ее эвристический потенциал для философии науки и техники

Москвитин В. А.

Аннотация. Цель исследования состоит в обосновании эвристических возможностей концептуального аппарата формальной онтологии Тристана Гарсиа применительно к проблемам философии науки и техники. В работе проводится сравнительный анализ ключевых понятий философа (вещь, форма, содержание, онтологическая неполноценность, компактность) с классическими и современными метафизическими подходами. На онтологическом уровне обосновывается универсальный и эгалитарный статус вещи, независимой от человеческого восприятия, где дихотомия формы и содержания описывает идентичность объектов вне субстанциализма, а принцип компактности утверждает неразрывную связь сущности вещи с ее пространственно-временным положением. Показаны возможности применения формальной онтологии к проблемам философии науки (статус научных объектов, переосмысление проблемы индукции через поле интенсивностей) и философии техники (индивидуация технических устройств, цифровая среда, неантропоцентрическая этика искусственного интеллекта). Выявлены фундаментальные ограничения подхода, включая отсутствие операционализации понятия интенсивности и проблему исторической изменчивости формы научных объектов. Научная новизна работы состоит в систематизации принципов посткорреляционистской метафизики Т. Гарсиа как основания для преодоления антропоцентризма и переосмысления базовых категорий естественнонаучного и технического познания. В результате исследования обосновано, что формальная онтология Гарсиа обладает значительным эвристическим потенциалом для философии науки и техники, однако требует дальнейшей критической рефлексии и операциональной адаптации.

EN

Thing, form, compactness: T. Garcia's ontology and its heuristic potential for the philosophy of science and technology

V. A. Moskvitin

Abstract. The study aims to substantiate the heuristic potential of Tristan Garcia's formal ontology for addressing problems in the philosophy of science and technology. The work provides a comparative analysis of the philosopher's key concepts – thing, form, content, ontological inferiority, and compactness – in relation to classical and contemporary metaphysical approaches. At the ontological level, the study substantiates the universal and egalitarian status of the thing, which exists independently of human perception. Within this framework, the form – content dichotomy describes the identity of objects without recourse to substantialism, while the principle of compactness asserts the inseparable connection between a thing's essence and its spatiotemporal position. The article demonstrates the applicability of formal ontology to problems in the philosophy of science, including the status of scientific objects and the reinterpretation of the problem of induction through the field of intensities, as well as to problems in the philosophy of technology, such as the individuation of technical devices, the digital environment, and a non-anthropocentric ethics of artificial intelligence. The study identifies fundamental limitations of this approach, including the lack of an operational definition of intensity and the problem of the historical variability of the form of scientific objects. The scientific novelty lies in systematizing the principles of T. Garcia's post-correlationist metaphysics as a basis for overcoming anthropocentrism and rethinking the fundamental categories of scientific and technological cognition. The study demonstrates that Garcia's formal ontology possesses considerable heuristic potential for the philosophy of science and technology, but requires further critical reflection and operational adaptation.

Введение

Современная философская мысль переживает период глубокого переосмысления своих онтологических оснований, обусловленный необходимостью преодоления последствий лингвистического поворота, постмодернистской деконструкции и корреляционизма, долгое время редуцировавших реальность к языковым формам, дискурсам или человеческому восприятию (Черняк, 2019; Никоненко, 2022). Эту задачу позволяет решить проект формальной онтологии Тристана Гарсиа, изложенный в его книге «Форма и объект» (2026). Он не просто предлагает отказаться от антропоцентризма, а снабжает философию аппаратом для возвращения к предметности, открывая путь к метафизическому осмыслению реальности, независимой от человеческого сознания.

В центре нашего внимания – перенос формальной онтологии Гарсиа на поле философии науки и техники. Мы рассматриваем три взаимосвязанных аспекта: онтологический статус универсальной категории вещи и разведение формы и содержания вне субстанциализма; значение принципа компактности для индукции и статуса научных законов; эвристические возможности гарсианского аппарата при анализе технических устройств, цифровой среды и этики искусственного интеллекта.

Теоретическим фундаментом работы выступает труд Т. Гарсиа «Форма и объект» (2026). Исследование также опирается на работы по спекулятивному реализму и критике корреляционизма (Черняк, 2019) и учитывает труды, посвященные аналитической традиции в философии, которые помогают прояснить историко-философский контекст и предпосылки возникновения новых онтологических запросов (Никоненко, 2022). Концептуальный аппарат исследования формируется на основе критического диалога с фундаментальной онтологией М. Хайдеггера (2015) и объектно-ориентированной онтологией Г. Хармана (2024). Важный вклад в осмысление структурных и процессуальных измерений объекта внесли работы Б. Латура (2014) по акторно-сетевой теории, Ж. Симондона (2022) по индивидуации технического, Н. Гудмена (2001) по проблеме индукции и Ж. Делеза (Делез, Гваттари, 2009) по философии имманентности. Зарубежные исследования внутренней архитектуры онтологии Гарсиа и ее приложений представлены работами Э. Эркана (Erkan, 2020), Х. Бензузана (Bensusan, 2018), Н. Уайлда (Wilde, 2020) и А. Жукаускайте (Žukauskaitė, 2025). Проблематика цифровой среды и технологического дизайна освещается в исследованиях К. Фраде (Frade, 2025) и Дж. Ханна (Hanna, Auger, Encinas, 2017).

Задачи исследования:

1. Провести концептуальный анализ ключевых категорий формальной онтологии Тристана Гарсиа (вещь, форма, содержание, онтологическая неполноценность, компактность) в их отношении к классическим и современным метафизическим системам.
2. Экстраполировать принципы формальной онтологии на проблематику философии науки, переосмыслив статус научных объектов, проблему индукции через поле интенсивностей и историчность научного знания.
3. Исследовать эвристический потенциал гарсианского подхода в философии техники, применив категории формы и компактности к анализу индивидуации технических устройств и цифровой среды.
4. Выявить и систематизировать фундаментальные ограничения формальной онтологии Т. Гарсиа (отсутствие операционализации понятий, проблема исторической изменчивости формы) для ее корректного применения в современных научных исследованиях.

Методы исследования:

1. Метод концептуального и сравнительного анализа – систематическое сопоставление категорий формальной онтологии Т. Гарсиа с альтернативными метафизическими проектами (Аристотель, Кант, Хайдеггер, Харман, Латур, Симондон) с целью выявления специфики посткорреляционистского подхода.
2. Метод онтологической экстраполяции – перенос абстрактных категорий формальной онтологии на предметные поля философии науки и философии техники для решения конкретных эпистемологических и технологических проблем.
3. Метод критического моделирования – критическая оценка эвристической мощности гарсианского аппарата, выявление его внутренних апорий, пределов применимости и направлений дальнейшей концептуальной доработки.

Практическая значимость исследования состоит в разработке методологических оснований для интеграции спекулятивного реализма и формальной онтологии в современную философию науки и техники, что позволяет по-новому подойти к решению проблем статуса научных объектов, проектирования цифровых сред и этики искусственного интеллекта в условиях посткорреляционистской парадигмы.

Обсуждение и результаты

Центральным источником для настоящего исследования служит трактат Тристана Гарсиа «Форма и объект. Трактат о вещах» (2026), в котором излагается формальная онтология, построенная вокруг универсальной категории «вещи». Вещь здесь понимается как любая сущность, лишенная внутренней природы и определяемая исключительно формой – структурой идентичности, неотделимой от пространственно-временной компактности. Содержание выступает переменной составляющей, а сама вещь онтологически «неполноценна», то есть не обладает предзаданными свойствами. Аппарат Гарсиа направлен против корреляционизма и хайдеггерианского Dasein-центризма, а также проводит четкую демаркационную линию с объектно-ориентированной онтологией Грэма Хармана.

Особое значение для применения этой онтологии к философии науки приобретает проблема индукции, сформулированная Н. Гудменом в работе «Факт, фантазия и предсказание» (2001). Парадокс «зелубого»

изумруд доказывает невозможность чисто логического обоснования индуктивных проекций, что подталкивает к использованию концепта формы как поля интенсивностей: именно форма задает спектр возможных состояний вещи, определяя допустимость тех или иных обобщений.

Введенный Ж. Делезом и Ф. Гваттари в труде «Что такое философия?» (2009) концепт «плоскости имманентности» близок к плоской онтологии Гарсиа отказом от иерархий сущего. Тем не менее плоскость имманентности укоренена в трансцендентальном идеализме, тогда как Гарсиа отстаивает спекулятивное знание о вещах самих по себе, что формирует их принципиальное различие. Близкую эгалитарную модель предлагает акторно-сетевая теория Бруно Латура (2014), где технические артефакты и алгоритмы выступают актантами – полноправными участниками сетей. Для Гарсиа эта теория ценна как параллель, поскольку Латур также отвергает антропоцентризм и признает активную роль нечеловеческих сущностей. Однако если у Латура статус актанта задается местом в сети отношений, то Гарсиа настаивает на первичности самой формы вещи по отношению к любым связям.

Запрос на подобные онтологические проекты помогает прояснить исследование С. В. Никоненко (2022), посвященное аналитической традиции. Долгое время избегавшая прямого метафизического поиска в пользу языковых и эпистемических конструкций аналитическая философия породила определенный вакуум, который спекулятивный реализм и стремится заполнить. Процессуальная модель индивидуации Жильбера Симондона (2022) трактует технические объекты как итог слияния и взаимодействия со средой. Гарсиа переосмысляет этот подход структурно: сохраняя внимание к технической реальности, он переносит акцент с процесса становления на форму как устойчивую основу идентичности.

Мартин Хайдеггер в «Бытии и времени» (2015) строит фундаментальную онтологию вокруг *Dasein* – человеческого присутствия. Инструменты (*Zuhandenes*) и наличное (*Vorhandenes*) обретают онтологический статус лишь через практическую вовлеченность *Dasein*. Гарсиа видит в этом не преодоление, а закрепление корреляционизма: вещи сами по себе остаются недоступными, поскольку всегда даны только в горизонте человеческого бытия. Критика Хайдеггера становится отправной точкой для построения альтернативной онтологии. Грэм Харман в «Объектно-ориентированной онтологии» (2024) постулирует «внутреннюю жизнь» объектов и их принципиальную неисчерпаемость в отношениях. Это прямо противоположно гарсианскому проекту: у Хармана объект всегда скрывает нечто за пределами своих проявлений, тогда как Гарсиа лишает вещь любой скрытой сущности, сводя идентичность к чистой форме (Wilde, 2020). Сравнение этих двух подходов позволяет точнее определить специфику формальной онтологии. Статья Н. А. Черняка «Спекулятивный реализм vs корреляционизм» (2019) помещает Гарсиа в более широкий контекст. Спекулятивный реализм объединяет философов, стремящихся мыслить реальность вне ее корреляции с сознанием, и формальная онтология Гарсиа предстает как одна из наиболее радикальных и последовательных попыток реализации этой программы. Пределы гарсианского подхода обнажает работа Х. Н. Бензузана “Towards an Indexical Paradoxico-Metaphysics” (Bensusan, 2018). Бензузан показывает, что Гарсиа не предлагает операционального критерия для различения допустимых и недопустимых интенсивностей, то есть не объясняет, почему из множества потенциальных состояний вещи актуализируются одни, а не другие. Данное ограничение напрямую сказывается на применимости формальной онтологии к точным наукам. Детальный анализ внутренней архитектуры гарсианской системы дает Э. Эркан в статье “Tristan Garcia’s Electric Ontology: Thought and its Derailed Image” (Erkan, 2020). Эркан показывает, что онтология Гарсиа представляет собой синтез структуралистской традиции (форма как отношение) и спекулятивного реализма (независимость вещи от сознания), что отличает ее как от корреляционистских, так и от альтернативных реалистских проектов. Применительно к цифровой среде значимость гарсианской онтологии обосновывает К. Фраде в статье “Social theory and the digital: The institutionalisation of digital sociology” (Frade, 2025). Фраде утверждает, что алгоритмы, платформы и данные требуют пересмотра базовых категорий социальной онтологии, а цифровая среда по своей структуре эгалитарна – именно такую плоскую онтологию и предлагает Гарсиа. Манифест Дж. Ханна, Дж. Оже и Э. Энсинас “Reconstrained Design” (Hanna, Auger, Encinas, 2017) раскрывает продуктивность категории онтологической неполноценности вещи в контексте практик проектирования. Отсутствие предустановленной сущности делает объект открытым для актуализации новых функциональных интенсивностей, трансформируя онтологические ограничения в конструктивный ресурс. Н. Уайлд в работе “Burning Bridges: The problem of relations in object-oriented ontology—a topological approach” (Wilde, 2020) анализирует концептуальный разрыв между системами Гарсиа и Г. Хармана. Отказ от «внутренней тайны» объекта позволяет гарсианской модели обойти парадоксы объектно-ориентированной онтологии, связанные с реляционными связями. Однако подобная строгость порождает собственную апорию. Механизм исторической изменчивости объектов остается необъяснимым, если форма трактуется исключительно как жесткая структура идентичности. А. Жукаускайте в исследовании “Organism-Oriented Ontology” (Žukauskaitė, 2025) дополнительно фиксирует границы применимости данного аппарата к живым системам. Динамика их становления не может быть редуцирована к статической формальной структуре. Живой организм не сводится ни к «пустой» форме Гарсиа, ни к «тайной» внутренней жизни объектов у Хармана; это требует разработки особой, организмо-ориентированной онтологии.

Система Т. Гарсиа строится на отказе от классических субстанциалистских и процессуальных парадигм. Вместо того чтобы сводить мир к качественным свойствам (материи, субстанциям) или к чистым событиям и становлению, Гарсиа (2026) прокладывает «средний путь», предлагая структурную декомпозицию реальности. Отправной точкой этой системы выступает универсальная категория «вещи». В онтологии Гарсиа «вещь» – это не просто материальный предмет, физическое тело или артефакт. Это любая сущность, которая существует в мире. Радикальный эгалитаризм этой дефиниции позволяет Гарсиа уравнивать в правах камень,

государственный орган, математическую формулу, экономическую модель и религиозную веру. Все они являются «вещами», обладающими одинаковым онтологическим статусом. Данное расширение понятия «вещи» направлено на преодоление многовековой дискриминации сущего, берущей начало в аристотелевской иерархии форм и материи, где неживые объекты считались онтологически «неполноценными» по сравнению с живыми организмами или разумом (Žukauskaitė, 2025). Вещь у Гарсиа – это не негативное образование («остаток» после вычитания субъективного), а позитивная первичная единица онтологического эгалитаризма. Гарсиа не использует феноменологическую редукцию, которая оставляет «остаток» сознания. Вместо этого он прямо постулирует вещь как то, что обладает формой – структурой идентичности, не зависящей от наблюдателя. Называть вещь «остатком» можно лишь в очень условном, методическом смысле: если мы мысленно отвлечемся от всех антропоцентрических оценок значимости, перед нами окажется не пустое место, а именно вещь, заданная своей формой. Следовательно, «чистый логико-онтологический остаток» – это метафора, которую важно отделить от феноменологического «остатка» (интенционального коррелята).

Ключевой аналитический инструмент гарсианской системы – дихотомия формы и содержания. Любая вещь структурно расщепляется на два неотделимых компонента. «Содержание» – это то, что вещь «содержит в себе»; это переменная составляющая, подверженная постоянному изменению. Содержание не определяет идентичность вещи. Данную функцию берет на себя «форма». В традиционной философии, от Аристотеля до Канта, форма понималась как сущностное качество, определяющее «что такое» вещь (эйдос, морфэ). Гарсиа решительно разрывает с этой традицией. Для него форма – это не сущность, не застывшее качество и не внутренний принцип. Форма – это структура идентичности, чистая организация, которая делает вещь узнаваемой и тождественной себе во времени и пространстве. Как отмечает философ, форма придает «что-либо» своему «что», выступая полем возможного и структурой самой способности быть. Она позволяет вещи принимать разные состояния и взаимодействовать с миром, сохраняя самотождественность. Например, стол остается собой даже при замене ножки, поскольку его форма – структура и функция – оказывается неизменной. Форма здесь – это не жесткий каркас, а спектр возможных интенсивностей, реализуемых вещью в конкретных обстоятельствах (Erkan, 2020).

Одним из наиболее парадоксальных и продуктивных следствий этого подхода становится тезис об «онтологической недостаточности» вещи. Гарсиа намеренно лишает ее любых предварительных определений – будь то глубина или интенсивности. В исходном состоянии, предшествующем конкретному наполнению, вещь оказывается простым «пустым» местом, лишенным внутреннего смысла, скрытой природы или заложенного развития. Есть только чистая возможность, и реализуется она исключительно через форму. Данная «недостаточность» не дефект логики, а, напротив, необходимое условие для самой возможности построить максимально общую и всеобъемлющую онтологию. Вещь начинается с нуля именно потому, что онтологически неполноценна. Можно провести сравнение с гегелевской диалектикой или неокантианством: там вещь еще рассматривается как носитель эвристического или исторического потенциала. Гарсиа же лишает вещь «внутренней жизни», превращая ее в универсальный объект рассуждений, который ни к какому конкретному человеческому опыту не привязан.

Центральным понятием, вытекающим из теории формы, является «компактность». Гарсиа утверждает принципиальную невозможность отделить «каковость» объекта от «где» его местонахождения. Форма, которая определяет, чем является объект, одновременно и закрепляет его в пространственно-временном континууме. В классической метафизике (особенно платоновской) сущность объекта мыслилась как нечто отдельное от его эмпирического существования (Bensusan, 2018). Корреляционизм также разрывает объект и его положение, заявляя, что мы знаем лишь «мир для нас», а не вещи сами по себе. Концепция компактности устраняет этот разрыв. Сущность объекта и его положение в мире неразрывно связаны: изменение одного неминуемо затрагивает другое. Компактность означает, что каждая вещь уникальна и не может быть перенесена в другой контекст без изменения своей формы. Форма, определяющая нашу идентичность, в то же время задает наше пребывание здесь и сейчас, гарантируя укорененность вещей в мире. Из принципа компактности вытекает радикальный антиплатонизм: форму вещи невозможно перенести в иной контекст или другое время без трансформации самой формы, ведь каждая вещь онтологически уникальна. Однако эта уникальность ставит сложный вопрос перед философией науки: если форма неотделима от конкретного «где», то как возможны универсальные законы, претендующие на вездесущий и невременной характер?

Гарсиа не дает прямого ответа на этот вопрос, однако его понятийный аппарат позволяет переосмыслить проблему. Научный закон фиксирует не форму отдельного объекта, а закономерности в актуализации интенсивностей для целого класса вещей, чьи формы в определенных аспектах гомоморфны – то есть структурно подобны. Закон перестает быть платоновской идеей. Это просто сжатое описание того, как вещи со сходными формами ведут себя в одинаковых пространственно-временных условиях. Принцип компактности научные законы не отменяет. Но он задает их онтологическую границу: любой закон локален по своему характеру.

Критика традиционной онтологии занимает в философской программе Гарсиа место, равное по значимости конструированию новой системы. В качестве основного препятствия на пути к объективной онтологии философ выделяет экзистенциализм и герменевтику, ключевой фигурой которых выступает Мартин Хайдеггер (2015). Гарсиа полагает, что Хайдеггер, сосредоточив внимание на “Dasein” (человеческом присутствии), сделал из него центральный объект исследования, низведя все остальные сущности – от инструментов до животных – до статуса вторичных и производных от «человеческого присутствия». Хайдеггеровское различие между готовностью к рукам (Zuhandenheit) и наличием (Vorhandenheit) неосознанно закрепило антропоцентризм: вещи обрели смысл лишь в контексте озабоченности Dasein. По Гарсиа, это привело к тому, что философия стала неспособна говорить о мире самом по себе, независимо от нашего отношения к нему. Проект «Формы и объекта» – это прямой ответ на вызов, стремящийся вернуть философии предметность, сделав объекты, а не человеческое бытие, центральными акторами реальности.

Важнейшим аспектом критики Гарсиа является открытое противостояние корреляционизму (Черняк, 2019), укорененному в кантовской философии. Корреляционизм утверждает, что мы можем знать лишь то, что коррелирует с нашим сознанием («мир для нас»), но ничего не знаем о вещах самих по себе («ноуменах», «*νοούμενα*», «*νοούμενον*»). Гарсиа, как один из ярких представителей спекулятивного реализма, отвергает это ограничение. Его цель – достичь «спекулятивного знания», которое говорит о мире самих по себе. Он стремится описать реальность такой, какая она есть, вне зависимости от того, наблюдает ли за ней человек. Онтологическая неполноценность и плоская онтология здесь выступают как инструменты освобождения: если вещь изначально пуста, в ней нет ничего «человеческого», что привязывало бы ее к нашему сознанию.

Хотя Гарсиа и Грэм Харман являются частью одного движения спекулятивного реализма, их подходы принципиально расходятся. Гарсиа критикует как редукционизм, сводящий реальность к субстанциям (картезианский подход), так и редукционизм событий (философия Делеза). Однако его расхождение с объектно-ориентированной онтологией (ООО) Г. Хармана (2024) еще более показательнее. Харман развивает идею «внутренней жизни» объектов, их скрытых качеств и «сущностей», утверждая, что объекты никогда не исчерпывают свои отношения. Гарсиа, напротив, стремится лишить вещь любой внутренней сущности. Он критикует Хармана за то, что тот вносит в мир слишком много сущностей (объекты, их качества, их отношения), тогда как гарсианский проект стремится к максимальной экономии сущностей через концепцию универсальной и пустой «формы». Если Харман – метафизик избытка и тайны, то Гарсиа – метафизик нуля и плоскости. В действительности Гарсиа тоже допускает «избыток» – в виде потенциальных интенсивностей, которые вещь может актуализировать, не теряя своей формы. Различие с Харманом лежит в другом: у Хармана объект всегда ускользает от своих отношений (реальный объект не совпадает ни с его чувственными качествами, ни с его эффектами), тогда как у Гарсиа форма полностью задает поле возможного – нет никакого «скрытого остатка» за пределами формы. Поэтому Гарсиа ближе к структурализму (форма определяет тождество, а индивидуальность возникает из уникальной позиции в пространстве-времени, то есть из компактности), тогда как Харман – к своего рода «объектному анимизму», где каждый объект обладает внутренней тайной. Уточнение этого различия важно, чтобы избежать ложного впечатления, будто Гарсиа отрицает любую сложность объектов – он просто помещает ее не «внутри», а в отношения формы с содержанием и в поле интенсивностей.

Критика Гарсиа направлена не только против конкретных философов, но и против самого метода построения всеобъемлющих метафизических картин мира. Гарсиа хочет создать «нулевую онтологию», без привычки выстраивать иерархии бытия. Эта мысль доведена до конца в идее «либеральной онтологии»: равного отношения ко всем сущностям. Все объекты рассматриваются одинаково с точки зрения их уровня реальности. «Плоская онтология» отвергает сверхсущее (Бога, историю, субъекта) и любые попытки объявить какие-то сущности «более реальными» (например, материю против духа). В мире Гарсиа нет ни нижних, ни верхних этажей бытия. Вместо единой системы он предлагает набор правил для анализа: как разные сущности возникают и как они взаимодействуют. Примерно так же работает наука, когда цель не «теория всего», а набор моделей для объяснения конкретных явлений. Критика традиционной онтологии показывает, от чего Гарсиа отказывается. Перенос формальной онтологии в философию науки позволяет по-новому взглянуть на статус научных объектов и механизмы познания, однако вместе с тем обнажает ряд сложных эпистемологических проблем.

Обратимся к анализу научного объекта и его индивидуации. Долгое время в философии науки доминировал конструктивизм, в рамках которого такие объекты, как электрон, кварк или популяция, рассматривались как удобные теоретические конструкты либо узлы семантической сети. Подход Гарсиа возвращает им полноценный онтологический вес. Если научный объект – это вещь со своей уникальной формой, его можно исследовать через категорию индивидуации и компактности. Ключевая эпистемологическая и онтологическая проблема здесь заключается в экспликации оснований, обеспечивающих сохранение тождества электрона при постоянной смене его физических состояний (уровней энергии, импульса). В понятийных координатах Т. Гарсиа данный вопрос формулируется как поиск механизмов инвариантности формы объекта: именно форма выступает устойчивой структурой идентичности, сохраняющей самотождественность вещи при непрерывной динамике ее содержания (актуализируемых интенсивностей). В результате научный объект предстает не в качестве номинального ярлыка, а как итог сложного онтологического процесса индивидуации, отделяющего его от окружающего континуума.

Формальная онтология Гарсиа дает возможность по-новому взглянуть и на классическую проблему индукции – ту самую, что была сформулирована Н. Гудменом (2001) в его парадоксе «зелубого» изумруда. Традиционный вопрос о проецируемости предикатов можно переформулировать. Не искать логическое обоснование индуктивных обобщений, а сместить акцент на онтологические условия их возможности. Если вещь – это поле потенциальных интенсивностей, тогда научный эксперимент перестает быть пассивной регистрацией данных. Это акт принудительной актуализации. Приборная установка и теоретические предпосылки выбирают конкретное состояние из спектра возможных.

Тут нужно обозначить методологическое ограничение. Гарсиа не дает операционального критерия для классификации интенсивностей. Он оставляет открытым вопрос об их онтологическом статусе: свойства это, тропы или модусы? Поэтому категория «поля интенсивностей» работает скорее как метафизическая рамка, а не как строгий аналитический инструмент. Но сама переформулировка дает эвристический эффект. Она переводит дискуссию о природе свойств в другую плоскость: при каких условиях вещь, актуализируя новую интенсивность, сохраняет самотождественность? Подобная постановка вопроса особенно продуктивна в квантовой физике и биологии сложных систем, где классическая субстанциальная модель оказывается несостоятельной. В этой парадигме функция научной теории радикально переосмысливается: она перестает

быть репрезентативным отражением реальности и превращается в инструмент, сужающий пространство возможных состояний объекта. Теоретическая модель не раскрывает внутреннюю сущность, а задает вероятностные границы актуализации интенсивностей, упорядочивая неопределенность потенциального.

Перенос подхода Гарсиа на историю науки обнажает серьезное противоречие. Будучи реалистом, философ стремится описать инвариантную структуру реальности, свободную от влияния познавательных практик. Однако историческая динамика науки со сменой ее парадигм ставит под сомнение неизменность формы научного объекта (Никоненко, 2022). Возникает дилемма: меняется ли при переходе от ньютоновской механики к релятивистской физике сама онтологическая форма массы и гравитации или трансформируется лишь эпистемическая модель их описания? Допущение исторической вариативности формы неизбежно релятивизирует идентичность объекта, подчиняя ее познавательному контексту. Подобный сценарий неизбежно возвращает философский дискурс в рамки корреляционизма. Если нет – мы рискуем превратить философию науки в догматическую метафизику, игнорирующую историческую динамику знания. Тесно связана с этим и проблема соотношения формы и модели. В онтологии Гарсиа форма есть у самой вещи. В философии науки мы всегда имеем дело с научными моделями – идеализированными, абстрактными репрезентациями объекта. Модель неизбежно дискриминационна: она выделяет одни свойства (интенсивности) и отсекает другие. В связи с этим возникает теоретическая проблема онтологического статуса научных репрезентаций: соотношение онтологической «формы» самого объекта и его эпистемологической «модели». Возможный путь решения – рассматривать научную модель как самостоятельную «вещь» (теоретический конструкт) со своей формой, которая гомоморфна форме объекта в определенных аспектах. Модель не репрезентирует объект, а сопрягается с ним через общие интенсивности. Указанное решение, однако, ведет к регрессу (нужна метамодель для отношения модели и объекта) и остается открытой проблемой.

Применение формальной онтологии к философии техники раскрывает свой эвристический потенциал, когда мы фокусируемся на проблеме индивидуации технических устройств и анализе цифровой среды. Технические объекты – от молотка до нейросети – всегда были в центре внимания философии техники, но Гарсиа предлагает для их анализа совершенно новый, неантропоцентрический аппарат. В философии техники (особенно у Ж. Симондона (2022) и отчасти у Ж. Делеза (Делез, Гваттари, 2009) технология рассматривалась как продолжение органических организмов, как форма организации, преодолевающая индивида и создающая новые уровни сложности. Симондон, в частности, анализировал технические объекты через призму процесса индивидуации, где процесс неразрывного слияния механизма и среды порождает техническую индивидуальность. Гарсиа продолжает эту линию, но смещает акцент с процесса на структуру. В его системе каждый инструмент или алгоритм становится «вещью», которая имеет свою уникальную «форму», определяющую ее функцию, границы и место в сетях взаимодействий. Форма телефона определяет его способность к передаче голосовых сигналов, форма социальной сети – способность к распространению информации (Frade, 2025). При этом онтологическая неполноценность вещи означает, что форма телефона не несет в себе предопределенной функции коммуникации как имманентного свойства; его использование – это результат его взаимодействия с другими вещами (человеком, сетью) и реализации определенных интенсивностей. Технический объект – это не просто инструмент, а участник сложных сетей, форма которого определяется не только производителем, но и процессом эксплуатации, ремонта и интеграции.

Обратимся к современной цифровой среде, где объекты приобретают информационную природу, а четкая граница между физическим и виртуальным стирается. Оптика формы и содержания позволяет успешно описать устройство таких сущностей. Цифровая «вещь» – это прежде всего информация, способная удерживать свою форму (то есть идентичность) при передаче и смене материального носителя. В качестве примера можно привести текстовый документ: его форму составляют внутренняя структура, форматирование и кодировка. Если скопировать файл с жесткого диска на облачный сервер, форма останется неизменной. Ее можно четко отделить от содержания, под которым скрываются физические состояния серверов, напряжение в транзисторах или электромагнитные волны. В то же время цифровой объект неразрывно связан со своей инфраструктурой – сетью серверов и протоколов. Полное удаление файла из всех сетей разрушает его компактность, а следовательно, и форму, несмотря на возможное сохранение материальных следов на физическом носителе. Рассмотрение платформ, алгоритмов и процессов управления данными сквозь призму индивидуации форм открывает перспективные горизонты для цифровой онтологии. Если все сущности (включая алгоритмы, климатические процессы, биологические виды) имеют одинаковый уровень реальности, то это кардинально меняет наши этические обязательства по отношению к ним. Традиционная этика технологий базируется на антропоцентризме: технология оценивается лишь по тому, как она служит человеку или вредит ему (Hanna, Auger, Encinas, 2017). В рамках гарсианской плоской онтологии алгоритм, управляющий автономным автомобилем, является такой же «вещью», как и пешеход. Это не означает их морального равенства в юридическом смысле, но требует учета их «форм» и «интенсивностей» в единой онтологической сети. Вопрос об этике ИИ переформулируется: это не проблема контроля над рабом, а проблема взаимодействия двух различных форм (человеческой и алгоритмической), каждая из которых актуализирует свои интенсивности в общем пространстве компактности.

Заключение

Проведенный анализ формальной онтологии Тристана Гарсиа позволяет сделать следующие выводы.

Категориальный аппарат, предложенный в «Форме и объекте», предлагает последовательную неантропоцентрическую модель реальности, в которой все сущности – от физических объектов до цифровых алгоритмов – обладают равным онтологическим статусом. Понятия вещи, формы, содержания, онтологической неполноценности

и компактности образуют внутренне непротиворечивую систему, способную описать идентичность объекта без обращения к субстанциализму или корреляционизму.

Экстраполяция этого аппарата на философию науки и техники обнаруживает как эвристический потенциал, так и существенные ограничения. В области философии науки гарсианская онтология позволяет переосмыслить статус научных объектов (электрон, кварк, популяция) как вещей, обладающих формой – устойчивой структурой идентичности, сохраняющейся при смене интенсивностей. Проблема индукции может быть переформулирована в терминах поля интенсивностей, задаваемого формой. Вместе с тем нерешенным остается вопрос об исторической изменчивости формы научных объектов при смене парадигм, а также отсутствии операционального критерия для различения допустимых и недопустимых интенсивностей.

В области философии техники категория компактности позволяет анализировать индивидуацию технических устройств и цифровых сущностей как неразрывную связь их формы с пространственно-временным положением. Акторно-сетевая теория и процессуальная модель индивидуации Симондона находят в гарсианской онтологии структурное дополнение. При этом онтологическая неполноценность вещи открывает новые возможности для проектирования, однако экстраполяция на живые системы (как показано Жукаускайте) сталкивается с трудностями.

Таким образом, формальная онтология Гарсиа представляет собой значимый вклад в развитие посткорреляционистской метафизики и может служить инструментом для переосмысления базовых категорий философии науки и техники. Дальнейшие исследования могут быть направлены на операционализацию понятия интенсивности, анализ исторической динамики форм научных объектов, а также на разработку гибридных онтологий, соединяющих структурный подход Гарсиа с процессуальными моделями.

Источники | References

1. Гарсиа Т. Форма и объект. Тратат о вещах. СПб.: Бартлби и компания, 2026.
2. Гудмен Н. Факт, фантазия и предсказание; Способы создания миров / пер. с англ. Т. А. Дмитриева и др. М.: Логос, 2001.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Академический проект, 2009.
4. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Высшая школа экономики, 2014.
5. Никоненко С. В. Аналитическая традиция в философии: теории, классики, школы. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2022.
6. Симондон Ж. Индивид и его физико-биологический генезис / пер. с фр. Я. И. Свирского; предисл. Ж. Гарелли. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2022.
7. Хайдеггер М. Бытие и время / ред. В. Айрапетян; пер. В. В. Бибихин. М.: Академический Проект, 2015.
8. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая теория всего / пер. с англ. М. Фетисов. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024.
9. Черняк Н. А. Спекулятивный реализм vs корреляционизм // Вестник Омского университета. 2019. Т. 24. № 2.
10. Bensusan H. N. Towards an Indexical Paradoxico-Metaphysics // Open Philosophy. 2018. Vol. 1. No. 1. <https://doi.org/10.1515/opphil-2018-0012>
11. Erkan E. Tristan Garcia's Electric Ontology: Thought and its Deracinated Image // Rhizomes: Cultural Studies in Emerging Knowledge. 2020. № 36. <https://doi.org/10.20415/rhiz/036.r03>
12. Frade C. Social theory and the digital: The institutionalisation of digital sociology // Acta Sociologica. 2025. Т. 68. № 1.
13. Hanna J., Auger J., Encinas E. Reconstrained Design: A Manifesto // Proceedings of the 2017 ACM Conference Companion Publication on Designing Interactive Systems (DIS '17 Companion). N. Y.: Association for Computing Machinery, 2017. <https://doi.org/10.1145/3064857.3079141>
14. Wilde N. Burning Bridges: The problem of relations in object-oriented ontology – a topological approach // Palgrave Communications. 2020. Vol. 6. No. 1. <https://doi.org/10.1057/s41599-020-0406-7>
15. Žukauskaitė A. Organism-Oriented Ontology // Matter: Journal of New Materialist Research. 2025. Vol. 10.

Информация об авторах | Author information

Москвитин Валерий Александрович¹

¹ Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова, г. Санкт-Петербург

Valerii Alexandrovich Moskvitin¹

¹ Baltic State Technical University «VOENMEH» named after D. F. Ustinov, St. Petersburg

¹ moskvitin.va@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.10.2026; опубликовано online (published online): 28.10.2026.

Ключевые слова (keywords): Тристан Гарсиа; формальная онтология; спекулятивный реализм; философия науки; философия техники; Tristan Garcia; formal ontology; speculative realism; philosophy of science; philosophy of technology.